

<https://doi.org/10.59546/18290744-2025.7-9-105>

ОВАНЕС БАЯНДУРЯН
*Член палаты адвокатов РА,
Аспирант кафедры уголовного права и уголовно процессуального
права Российско-Армянского университета*

ՀՈՎՀԱՆՆԵՍ ԲԱՅԱՆԴՈՒՐՅԱՆ
*ՀՀ փաստաբանների պալատի անդամ,
Հայ-ռուսական համալսարանի քրեական իրավունքի և
քրեական դատավարության իրավունքի ամբիոնի ասպիրանտ*

HOVHANNES BAYANDURYAN
*Member of the Chamber of Advocates of the RA,
PhD Student at the Chair of Criminal Law and
Criminal Procedure Law of Armenian-Russian University*

ПРАВОПРЕЕМСТВО ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

ԻՐԱՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ԱՆՁԱՆՅ ԻՐԱՎԱՀԱՋՈՐԴՈՒԹՅՈՒՆԸ
ՔՐԵԱԿԱՆ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆՈՒՄ.
ՕՐԵՆՍԴՐԱԿԱՆ ԿԱՐԳԱՎՈՐՄԱՆ ԱՆՀՐԱԺԵՇՏՈՒԹՅՈՒՆԸ

SUCCESSION OF LEGAL ENTITIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS: THE NEED FOR LEGISLATIVE REGULATION

ВВЕДЕНИЕ

Нормативное закрепление процессуального статуса юридического лица в уголовном судопроизводстве стало важным шагом вперёд. В практике расследования экономических преступлений всё чаще наблюдается активное привлечение категории «юридическое лицо»: следственные органы признают коммерческие организации не только в качестве потерпевших, но и в качестве обвиняемых. Вместе с тем участие юридических лиц в уголовном процессе в случаях их реорганизации или ликвидации порождает серьёзные практические затруднения, особенно в аспекте процессуального правопреемства.

Одной из проблем, с которой сталкиваются правоприменители, является отсутствие в УПК Республики Армения положений, регулирующих ситуацию, связанную с реорганизацией

юридического лица, признанного потерпевшим или обвиняемым, т.е. вопрос процессуального правопреемства в таких случаях остается открытым. В настоящее время уголовно-процессуальный закон (пункт 30 статьи 6 УПК) предусматривает правопреемство лишь в двух ситуациях – в случае смерти потерпевшего физического лица и в случае смерти обвиняемого.

Учитывая современные экономические реалии, при которых юридические лица, наделённые правом участия в уголовном судопроизводстве в различных процессуальных статусах, по различным причинам нередко проходят через процедуры реорганизации, представляется необходимым урегулировать вопрос процессуального правопреемства и на уровне действующего УПК Республики Армения.

Правоприменительная практика, прежде всего судебная, по-разному трактует целый ряд вопросов, которые касаются самой процедуры уголовно-процессуального правопреемства.

В науке уголовно-процессуального права на сегодняшний день отсутствует комплексное диссертационное или монографическое исследование, посвященное уголовно-процессуальному правопреемству. Между тем, проблемы, связанные с правовой природой процессуального правопреемства в уголовном судопроизводстве, его местом в системе уголовно-процессуального права и ролью в динамике уголовно-процессуальных правоотношений, а также особенности процедуры процессуального правопреемства применительно к отдельным участникам уголовного судопроизводства в достаточной мере не изучены.

ОСНОВНОЕ ИСЛЕДОВАНИЕ

В юридической науке отсутствует единое понимание института правопреемства. Этот термин введен в юридический оборот главным образом в результате исследований в области гражданского права, в котором и существует институт правопреемства. Однако он широко применяется и в других отраслях права¹.

Правопреемство в наибольшей степени характерно для отраслей материального права (так называемое материальное правопреемство). Однако заслуживает внимания вопрос о допустимости и специфике правопреемства в рамках процессуального права – в гражданском, арбитражном, уголовном, административном и конституционном судопроизводствах.

Правопреемство как правовой институт реализуется как в материальном, так и в процессуальном праве. При этом процессуальное правопреемство, как правило, базируется на наличии соответствующего правопреемства в материальных правоотношениях, которые послужили основанием для возникновения процессуальных связей. Данная зависимость прослеживается и в сфере уголовного судопроизводства, поскольку уголовно-процессуальные правоотношения возникают на основе уголовно-правовых связей. Более того, действующее уголовно-процессуальное законодательство, как уже отмечалось, содержит ряд положений, прямо регулирующих вопросы правопреемства в рамках уголовного процесса.

Под правопреемством в общей теории права понимают переход права от одного лица к другому непосредственно в силу закона или соглашения².

Согласно авторскому определению Д.В. Носова, рассматривавшего вопрос с точки зрения

¹ Например, в таких отраслях, как конституционное (государственное), административное, финансовое, а также международное право (см.: *Крылова Ю.А.*, Проблемы правопреемства при реорганизации юридических лиц // Вестник Пермского университета. Юридические науки, 2009, Вып. 2, с. 103).

² Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М. Советская энциклопедия. 1984, с. 279; Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. О.Е. Кутафин. М., 2002, с. 386.

общей теории права, «под правопреемством следует понимать свойство правоотношений, представляющее собой не связанное с личностью субъекта правоотношения и не запрещенное законодательством изменение субъектного состава правоотношения, при котором в порядке производного приобретения субъективных прав и (или) юридических обязанностей происходит их переход от одного лица (правопредшественника) к другому лицу (правопреемнику) в отношении одного и того же объекта правоотношения»³.

Таким образом, в случае правопреемства само субъективное право не утрачивает своей юридической силы и не возникает заново, а сохраняется в непрерывном виде, переходя от одного субъекта к другому. При этом правовое отношение как таковое остается неизменным по своей структуре и содержанию; трансформации подвергается лишь персональный состав его участников – прежний субъект заменяется новым, который вступает в уже существующее правоотношение, приобретая в нём соответствующий правовой статус.

В зависимости от числа правоотношений, в которых происходит замена субъекта, в общей теории права разграничиваются универсальное и сингулярное правопреемство. Универсальное правопреемство (общее) предполагает замену субъекта во множестве правоотношений на основании одного юридического факта или совокупности таких фактов, за исключением тех случаев, когда правопреемство по объективным причинам невозможно. В рамках универсального правопреемства к правопреемнику переходят как все права, так и все обязанности правопредшественника. Подобный механизм характерен, например, для реорганизации юридических лиц, преобразования органов государственной власти, изменения административно-территориального устройства, смены стороны в трудовом правоотношении, а также при наследовании.

Сингулярное правопреемство (частное) характеризуется переходом прав и обязанностей в пределах одного или нескольких конкретных правоотношений и, как правило, осуществляется на основании отдельных юридических фактов. В отличие от универсального, при сингулярном правопреемстве замена субъекта происходит выборочно, не затрагивая все правовые связи правопредшественника. Типичными примерами сингулярного правопреемства являются уступка права требования (цессия), перевод долга, переход отдельных имущественных прав по договору или иным основаниям, не предполагающих полной правовой замены субъекта во всех его обязательствах и правах.

Учение о правопреемстве является неотъемлемым элементом правового регулирования гражданско-правовых отношений. Изменение правоотношения путем изменения его субъекта наиболее рельефно проявляется в гражданском праве. Смена субъектов в гражданских правоотношениях происходит достаточно часто: реорганизация юридических лиц, наследование, переход права собственности, цессии и др.

Что касается юридических лиц, то УПК не предусматривает возможности правопреемства юридических лиц в уголовном процессе. Между тем, данный вопрос актуален, поскольку за время расследования уголовного дела юридическое лицо может быть подвергнуто реорганизации или ликвидации. На практике сложилась неоднозначная практика, относительно действий участников уголовного судопроизводства при реорганизации и ликвидации юридического лица. Ряд правоприменителей в случае реорганизации и ликвидации не допускает правопреемства и продолжает судопроизводство при отсутствии потерпевшего; другие оставляют в процессе

³ Носов Д.В., Правопреемство: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011, с. 9.

представителя реорганизованного или ликвидированного юридического лица, невзирая на тот факт, что представляемого лица уже не существует; третьи привлекают к участию в процессе учредителей ликвидированного юридического лица; четвертые привлекают к участию в процессе правопреемников реорганизованного юридического лица.

Ввиду межотраслевого характера института правопреемства, а также отсутствия в Уголовно-процессуальном кодексе положений, прямо регулирующих правопреемство юридических лиц, на научном уровне встаёт необходимость осмысления возможности и допустимости имплементации норм гражданского правопреемства в уголовно-процессуальную сферу.

На протяжении десятилетий активно дискутируется возможность использования гражданского-процессуального правопреемства в уголовном процессе.

Сторонники идеи внедрения правопреемства юридических лиц в уголовный процесс (например, Л.Л. Кротова, И.Л. Петрухин, А.В. Наумов) исходят из необходимости адаптации уголовно-процессуальных механизмов к реальностям экономической и корпоративной жизни. Они указывают, что в условиях распространённости преступлений, совершаемых от имени или в интересах юридических лиц, отказ от правопреемства ведёт к фактическому уклонению от уголовной ответственности либо к утрате возможности возмещения ущерба потерпевшему. По их мнению, имплементация гражданско-правовых подходов может быть допустима в пределах, не нарушающих базовые принципы уголовного процесса⁴.

Так, Л.Л. Кротова подчёркивает, что правопреемство допустимо при сохранении экономической идентичности между предшествующим и последующим субъектом, особенно в случаях слияния или выделения, когда новая организация продолжает фактически ту же деятельность. И.Л. Петрухин акцентирует внимание на необходимости «процессуального инструментария» в части перехода обязательств по уголовно-правовому возмещению, а не переноса вины как таковой. А.В. Наумов выступает за осторожную гармонизацию норм, при которой гражданско-правовое правопреемство может быть применено к имущественным аспектам уголовного преследования.

Н.С. Рогов, напротив, предлагает закрепить в УПК возможность правопреемства реорганизованного юридического лица, аналогично процедуре правопреемства, установленной Гражданско-процессуальным кодексом РФ, расширив перечень субъектов, решающих вопрос о правопреемстве через включение в него лиц, осуществляющих предварительное расследование⁵.

В то же время критики такой позиции (например, Н.А. Лопашенко, В.М. Савицкий, С.В. Бородин) высказывают опасения по поводу размывания фундаментальных принципов уголовного судопроизводства. Они подчёркивают, что уголовная ответственность по своей природе является личной, индивидуализированной, и не может быть унаследована или передана, в отличие от гражданско-правовых обязательств. Н.А. Лопашенко утверждает, что внедрение правопреемства юридических лиц в уголовный процесс создает риск подмены виновности корпоративной преемственностью, что несовместимо с презумпцией невиновности.

⁴ Кротова Л.Л., Правопреемство юридических лиц в уголовном процессе: опыт и перспективы // Уголовное право. – 2012. – № 3. – С. 45–51.; Петрухин И.Л., Уголовная ответственность юридических лиц: за и против // Государство и право. – 2004. – № 6. – С. 67–74; Наумов А.В., Уголовное право: Общая часть. Курс лекций. – М.: Зерцало, 2005. – С. 258–265.

⁵ См.: Рогов Н.С., Участие юридических лиц в уголовном процессе в качестве потерпевшего // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 4 (23). – С. 52–53.

С.В. Бородин, в свою очередь, обращает внимание на отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве четких процессуальных механизмов, обеспечивающих соблюдение прав преемника в статусе обвиняемого или иного участника процесса.⁶

Н.А. Власенко пишет о принципиальном отличии уголовного процессуального права от гражданского процессуального права, которое он видит в том, что «сама ... отрасль носит ярко выраженный публичный характер...»⁷[с. 36].

Считаем оправданным мнения тех ряд авторов, которые предлагают искать аналогию в других отраслях права, считая, что действующее уголовно-процессуальное законодательство не может решить все частные вопросы, которые возникают в процессе расследования преступлений⁸. Однако следует отдать должное внимание отраслевым особенностям. По-видимому, правопреемство в различных процессуальных отраслях права может иметь свои особенности. Известно, что нормы УПК РА носят императивный характер, что означает: можно поступать «только так и никак иначе», как закреплено в уголовно-процессуальном законе. Однако сама сущность правопреемства не должна изменяться в зависимости от отрасли права, которая оперирует этим понятием.

Другой проблемой, вызывающей научную дискуссию, является неопределённость в вопросе процессуального правопреемства потерпевшего — юридического лица в случае его ликвидации, а также установление круга лиц, имеющих право на вступление в уголовное судопроизводство в этом статусе — правопреемников, учредителей либо иных заинтересованных лиц.

Некоторые авторы считают, что указанная проблема может быть разрешена путем реализации концепции о переходе прав ликвидированного или реорганизованного юридического лица к другим лицам, т.е. при помощи реализации института процессуального правопреемства потерпевшего – юридического лица в уголовном судопроизводстве. Это позволит повысить эффективность защиты прав и интересов юридического лица в уголовном судопроизводстве; обеспечить возможность участия такого юридического лица в уголовно-процессуальных отношениях; возможность реализации им права заявлять ходатайства, участвовать в процессе доказывания, предъявлять гражданский иск, поддерживать заявленные требования и т.п.⁹

Относительно возможности правопреемства юридических лиц в случае их ликвидации среди ученых также нет единого мнения. Н.С. Рогов, возражает против правопреемства ликвидированного юридического лица, поскольку это противоречит ГПК¹⁰, и возможные правопреемники (учредители, директор) получают выплаты, на которые они не имеют права. Аналогичного мнения придерживается и И.В. Мисник, считая, что при ликвидации юридического

⁶ Лопашенко Н.А., Ответственность юридических лиц в уголовном праве России. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2003. – 264 с.; Савицкий В.М., Уголовное право. Общая часть. – М.: Юристъ, 2000. – 496 с.; Бородин С.В., Проблема правопреемства в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. – 2018. – № 4. – С. 38–42.

⁷ Власенко Н.А., Об аналогии в современном процессуальном праве // Рос. юстиция. 2005, №7, с. 32–36.

⁸ Даев В.Г., Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. – Ленинград: Изд-во ЛГУ. – 1972. – С. 13; Мазалов А.Г., Гражданский иск в уголовном процессе. Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Юрид. лит. – 1977. – С. 15.

⁹ Баловнева В.И., О представителе юридического лица в уголовном процессе; Комаров И.М. Общие вопросы участия юридического лица в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. – Томск. 2018. Ч. 75. – С. 13–19.

¹⁰ См.: Рогов Н.С., Участие юридических лиц в уголовном процессе в качестве потерпевшего // Евразийская адвокатура. 2016. № 4 (23).

лица, должно выноситься постановление о прекращении участия соответствующего юридического лица в качестве потерпевшего по уголовному делу¹¹.

С.Р. Зеленин предлагает допускать в производство по уголовному делу учредителей юридического лица в случае его ликвидации, поскольку то, что имущество юридического лица при ликвидации распределяется между его учредителями, свидетельствует о причиненном им вреде. При этом следует отметить, что С.Р. Зеленин ведет речь не обо всех юридических лицах, а о тех, имущество которых распределяется между учредителями. К таковым относятся юридические лица, учредители которых сохранили корпоративные права на имущество юридических лиц: хозяйственные товарищества, общества, партнерства, кооперативы и т.д. Учредители иных юридических лиц, которые сохранили вещные права на имущество юридических лиц (государственные предприятия, муниципальные унитарные предприятия, учреждения), а также которые не имеют никаких прав на имущество юридических лиц (фонды, религиозные организации и т.д.), на наш взгляд, не должны участвовать в уголовном процессе в случае ликвидации юридических лиц в связи с тем, что учредителем первой группы является государство, а учредители второй группы не имеют никаких прав на имущество учрежденных юридических лиц¹².

На практике вопрос о правопреемстве потерпевшего в уголовном судопроизводстве сопровождается рядом юридических и фактических трудностей, особенно в случаях ликвидации юридических лиц. По мнению А. Прошлякова, законные интересы ликвидированного юридического лица в уголовном судопроизводстве должны защищать и отстаивать следователь, дознаватель, прокурор¹³. Однако судебная практика складывается иным образом.

Например, есть практика, согласно которой права потерпевшего – ликвидированного юридического лица переходят к его учредителям. Тем не менее, предложенное решение проблемы правопреемства в уголовном судопроизводстве не во всех случаях оказывается реализуемым на практике. Так, если признание учредителей ликвидированного общества с ограниченной ответственностью потерпевшими по уголовному делу уже получило определенное распространение в судебной практике, то вопрос о возможности перехода полномочий потерпевшего от ликвидированного акционерного общества с широким кругом акционеров остаётся значительно более спорным и вызывает множество правовых и процедурных затруднений¹⁴.

Несмотря на сложности, возникающие при ликвидации юридического лица, представляется обоснованным предоставление его учредителям права участвовать в уголовном процессе в качестве потерпевших. Такая возможность должна быть обусловлена не только фактом распределения имущества ликвидированного юридического лица между его участниками, но и сущностной природой корпоративных прав, которые, по своей правовой природе, представляют собой особую форму имущественных интересов. Эти интересы связаны не с

¹¹ Мисник И.В., Участие потерпевших юридических лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2016. № 4 (34). – С. 40–43.

¹² Зеленин С.Р., Когда учредитель ликвидированного юридического лица, признанного потерпевшим, может остаться в процессе // Уголовный процесс. 2011. № 7.

¹³ Прошляков А.Д., О неотчуждаемости статуса юридического лица – потерпевшего по уголовному делу. – Российский юридический журнал. 2009. № 5(65). с. 206–208.

¹⁴ Бывшим акционерам акционерного общества переходят процессуальные права ликвидированного юридического лица – потерпевшего. Проблема видится лишь в том, что на практике трудно обеспечить их участие в уголовном судопроизводстве в силу того, что, как правило, их количество значительно.

конкретным активом, а с управлением и распоряжением общим корпоративным имуществом. В этом смысле корпоративные отношения отражают более сложную форму имущественной связи, чем обычная индивидуальная собственность, и, следовательно, заслуживают соответствующей процессуальной защиты даже после прекращения существования самого юридического лица.

В то же время следует принимать во внимание, что в ситуациях, когда подозреваемым или обвиняемым по уголовному делу является лицо, которое одновременно выступает учредителем (участником) юридического лица, признанного потерпевшим, например по делам о присвоении или растрате, такое лицо не может быть признано потерпевшим в порядке процессуального правопреемства после ликвидации юридического лица.

Одной из острых и до настоящего времени нерешённых проблем научной дискуссии выступает вопрос о допустимости и правовой природе процессуального правопреемства обвиняемого – юридического лица в уголовном судопроизводстве в случае его ликвидации и реорганизации.

Эта проблема затрагивает фундаментальные положения уголовного и уголовно-процессуального права: персональный характер уголовной ответственности, допустимость продолжения уголовного преследования после утраты правосубъектности обвиняемым юридическим лицом, а также процессуальные последствия для правопреемников, если таковые имеются.

В центре обсуждения – возможность переноса статуса обвиняемого на правопреемника ликвидированного юридического лица (например, при слиянии, преобразовании, выделении), с тем чтобы не допустить утраты уголовно-правового интереса государства и ухода от ответственности за совершённое преступление.

Вопрос о возможности уголовно-процессуального правопреемства обвиняемого юридического лица в случае его ликвидации является предметом острой научной дискуссии и не имеет однозначного решения. Преобладающая точка зрения в современной доктрине уголовного процесса и уголовного права сводится к тому, что уголовная ответственность носит строго персональный характер и не может быть предметом правопреемства по общему правилу. В связи с этим прекращение существования юридического лица влечёт прекращение уголовного преследования в отношении него.

Однако ряд исследователей предлагает расширительный и функциональный подход, обосновывая его следующими положениями:

1. Современные формы хозяйственной деятельности позволяют через механизмы реорганизации (слияния, присоединения, преобразования) сохранить деловую, управленческую и имущественную преемственность, что делает правопреемника фактически тождественным исходному субъекту преступления.

2. Цели уголовного судопроизводства (восстановление справедливости, предупреждение преступлений, защита прав потерпевших) требуют наличия механизма продолжения процесса даже после формального исчезновения юридического лица, особенно в случаях экономических и коррупционных преступлений.

3. Процессуальное правопреемство обвиняемого юридического лица может быть допустимо в ограниченных случаях, при наличии фактической, функциональной и имущественной преемственности, а также если правопреемник извлёк выгоду от преступной деятельности предшественника.

Отказ от признания возможности процессуального правопреемства юридического лица, обвиняемого в совершении преступления, позволяет злоупотреблять формами реорганизации для уклонения от ответственности. Необходимы законодательные новеллы, обеспечивающие продолжение уголовного преследования в случае объективной преемственности¹⁵.

Правоприменительная практика ЕСПЧ. Вопрос уголовно-процессуального правопреемства юридических лиц в практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) не урегулирован напрямую положениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, однако на практике он затрагивается через применение статьи 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство), а также через вопросы допустимости привлечения юридических лиц к ответственности и соблюдения процессуальных гарантий при их реорганизации или ликвидации.

ЕСПЧ признаёт за юридическим лицом право обращаться с жалобой на нарушение прав, гарантированных Конвенцией (например, ст. 6, 7, 1 Протокола № 1), что означает, что компания может быть «жертвой» нарушения даже в уголовно-процессуальном контексте, если против неё велось уголовное преследование или были наложены меры уголовно-правового характера.

Правопреемство юридических лиц и продолжение производства ЕСПЧ в целом придерживается функционального подхода к вопросу правопреемства. Если компания подверглась слиянию, разделению или иной форме реорганизации, Суд допускает продолжение уголовного преследования в отношении правопреемника, если сохраняется юридическая и фактическая идентичность между прежним субъектом и новым. Такой подход соответствует цели недопущения ухода от ответственности путём корпоративных трансформаций.

ЕСПЧ последовательно исходит из того, что уголовная ответственность должна быть индивидуальной и персональной (см., например, дело *Vatsouras v. Greece*, 2009). Однако это не исключает возможности наложения санкций на юридическое лицо при соблюдении гарантий справедливого разбирательства, предусмотренных статьей 6 Конвенции. В этом контексте правопреемство юридических лиц в уголовном процессе оценивается через призму непрерывности субъекта ответственности.

В деле *Lisoskyu and Ukrainian Trade Union of Entrepreneurs v. Ukraine* (2021) ЕСПЧ отметил, что юридическое лицо может быть признано виновным и подвергнуто санкциям при условии соблюдения процессуальных гарантий. Если в процессе расследования или судебного разбирательства организация подверглась реорганизации, её правопреемник может быть привлечён к ответственности – при условии, что существует правовая и фактическая преемственность, аналогично подходу в гражданском праве.

В некоторых юрисдикциях прекращение существования юридического лица по формальным основаниям (например, его исключение из реестра) используется для избежания ответственности. ЕСПЧ критически относится к таким механизмам, указывая, что прекращение юридического лица не должно автоматически исключать уголовную ответственность, если государство сохраняет контроль над механизмом правопреемства (см. дело *Bendenoun v. France*, 1994).

Таким образом, уголовно-процессуальное правопреемство юридических лиц в контексте практики Европейского суда по правам человека представляет собой допустимый правовой

¹⁵ *Зеленин С.Р.*, Правопреемство в уголовном процессе: проблемы и перспективы.

механизм, при условии соблюдения как юридической, так и фактической преемственности между правопредшественником и правопреемником. Ключевым критерием легитимности такого правопреемства выступает соблюдение фундаментальных процессуальных гарантий, предусмотренных статьей 6 Европейской конвенции, включая право на справедливое судебное разбирательство. При этом ЕСПЧ настороженно относится к ситуациям, когда корпоративные преобразования используются для уклонения от уголовной ответственности, и допускает возможность возложения ответственности на нового субъекта при наличии объективной связи с действиями правопредшественника.

Правоприменительная практика зарубежных стран. Мировая практика по вопросу правопреемства уголовной ответственности юридических лиц неоднородна. Страны, в которых юридические лица являются полноправными субъектами уголовной ответственности (США, Франция), постепенно формируют подходы, допускающие функциональное правопреемство в целях предотвращения злоупотреблений.

Вместе с тем традиционный европейский подход (Великобритания, Германия) придерживается концепции персонификации ответственности, исключая её передачу при прекращении юридического лица.

Великобритания и Германия, действительно придерживаются традиционного персоналистского подхода к уголовной ответственности юридических лиц, что существенно влияет на вопрос её непередаваемости при правопреемстве.

Верховный Суд Нидерландов постановил, что в случае прекращения существования юридического лица нормы уголовного законодательства, предусмотренные для случаев прекращения существования (смерти) физических лиц, не распространяются на юридических лиц. Указанное постановление было вынесено по делу о мошенничестве юридического лица, которое самоликвидировалось, когда узнало, что в отношении его возбуждено уголовное дело. В решении Верховного Суда Нидерландов сказано, что даже ликвидированное юридическое лицо, если оно не объявило о своей ликвидации до начала уголовного преследования, может быть привлечено к уголовной ответственности¹⁶.

Это значит, что наказание может быть применено и в том случае, если юридического лица, совершившего преступление, уже не существует. Фактически имеет место правопреемство уголовной ответственности. При этом в Нидерландах считается, что в указанных случаях уголовная ответственность применяется именно к юридическому лицу, совершившему преступление, и «даже в случае, когда юридическое лицо передало свою деятельность, свой бизнес иному юридическому лицу, такое лицо может все равно, как и прежде, быть подвергнуто уголовной ответственности за инкриминируемый деликт»¹⁷.

В настоящее время нормы, предусматривающие возможность уголовной ответственности юридического лица после прекращения его деятельности (утраты правосубъектности), имеются в законодательстве уже многих государств. Соответствующие положения сформулированы где-то фрагментарно, в общем виде, где-то более детально.

¹⁶ См.: *Тарбагаев А.Н.*, Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части: Учебное пособие. Красноярск, 2000, с. 30

¹⁷ *Шошин С.В., Рубцов Ф.С.*, Уголовная ответственность юридических лиц за экологические деликты: опыт иностранных государств // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского Союза: состояние и эффективность. Материалы III Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.Т. Разгельдеев. Саратов, 2017, с. 135

В частности, этот вопрос получил разрешение в государствах, образовавшихся на территории бывшей Югославии. Например, в Республике Словения¹⁸ ст. 6 Закона об ответственности юридических лиц за уголовные преступления 1999 г.¹⁹ предусмотрено, что юридическое лицо прекратило свое существование до окончания уголовного разбирательства, уголовные санкции могут быть применены к юридическому лицу, являющемуся его правопреемником.

Аналогичная норма имеется и в законодательстве Республики Черногория. Согласно ст. 8 Закона об ответственности юридических лиц за уголовные преступления 2007 г. 12, в случае прекращения существования юридического лица до окончания проводимого в отношении него уголовного процесса к уголовной ответственности (в виде наложения штрафа, мер безопасности или изъятия материальной выгоды) может быть привлечено юридическое лицо, являющееся его правопреемником²⁰.

В Республике Сербия²¹ Законом об ответственности юридических лиц за уголовные преступления 2008 г. установлено, что юридическое лицо, которое после совершения уголовного преступления изменило организационно-правовую форму, имевшуюся на момент совершения преступления, несет ответственность за уголовное преступление на тех же условиях. Если юридическое лицо прекращает свое существование до окончания уголовного дела, к уголовной ответственности может быть привлечено юридическое лицо, являющееся его правопреемником. Если же юридическое лицо прекращает свое существование после завершения разбирательства, по итогам которого на него наложены санкции за уголовное преступление, они применяются к юридическому лицу, которое является его правопреемником (статья 6 Закона)²².

Законодательство частично признанной Республики Косово²³ также регламентирует этот вопрос подобным образом. Согласно ст. 6 Закона об ответственности юридических лиц за уголовные преступления 2011 г., если юридическое лицо прекратило свое существование до завершения рассмотрения уголовного дела, к уголовной ответственности может быть привлечено юридическое лицо-правопреемник; если юридическое лицо прекратило свое существование после вынесения приговора, предусмотренные приговором санкции применяются к юридическому лицу, являющемуся его правопреемником.²⁴

¹⁸ Об уголовной ответственности юридических лиц в этой стране см.: Федоров А.В. Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Республики Словения // Российский следователь. 2018. № 5, с. 75-80; Федоров А.В., Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Словении и Хорватии // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 2. С. 13-23

¹⁹ Zakon o odgovornosti pravnih oseb za kazniva dejanja (ZOPOKD) // ULRS - Uradni list Republike Slovenije. № 59/99, № 12/00, № 50/04, № 98/04, № 65/08, № 57/12

²⁰ Zakon o odgovornosti pravnih lica za krivična djela // Službeni list Crne Gore. № 2/07, № 13/07, № 73/10, № 30/12, № 39/16.

²¹ Об уголовной ответственности юридических лиц в Республике Сербия см.: Федоров А.В., Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Республики Сербия // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015, № 4, с. 13-21; Федоров А.В., Уголовно-процессуальное производство по делам о преступлениях юридических лиц в Республике Сербия // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2015, № 4, с. 33-41.

²² Zakon o odgovornosti pravnih lica za krivična dela (Закон об ответственности юридических лиц за уголовные преступления) // Службени гласник Републике Србије. № 97/08.

²³ Об уголовной ответственности юридических лиц в частично признанной Республике Косово см.: Федоров А.В., Косовский вариант уголовной ответственности юридических лиц // Российский следователь. 2018, № 10, с. 75-80.

²⁴ Ligj për Përgjegjësinë e Personave Juridik për Vepra Penale (Zakon o odgovornostima pravnih lica za krivična dela) № 04/L-030// Gazeta Zyrtare e Republikës së Kosovës (Službeni list Republike Kosova) № 16/2011.

Более детально вопросы уголовной ответственности юридического лица после прекращения его деятельности регламентированы в румынском законодательстве.

В соответствии со ст. 151 Уголовного кодекса Румынии 2009 г.²⁵, вступившего в силу с 1 февраля 2014 г., в случае утраты правосубъектности юридическим лицом вследствие слияния, поглощения или разделения после совершения преступления уголовная ответственность наступает для:

- а) юридического лица, созданного в результате слияния;
- б) юридического лица, поглотившего совершившее преступление юридическое лицо;
- в) юридических лиц, которые были созданы путем разделения юридического лица, совершившего преступление, или которые приобрели доли из имущества такого разделенного лица.

При назначении наказания таким юридическим лицам учитывается стоимость имущества юридического лица, совершившего преступление, в составе имущества юридических лиц, вышеуказанных в пунктах «а» и «б», а также стоимость частей его имущества, переданная каждому юридическому лицу, участвующему в разделении соответствующего юридического лица.

Таким образом, в Румынии установлено, что слияние, поглощение или разделение юридического лица не освобождают от корпоративной уголовной ответственности, которая соразмерно применяется к правопреемнику.

В Королевстве Испания при установлении уголовной ответственности юридических лиц также урегулирован вопрос «правопреемства» ответственности, Органическим законом 5/2010 от 22 июня 2010 г.²⁶ новой частью 2 ст. 130 УК Испании предусмотрено, что преобразование, слияние, поглощение или разделение юридического лица не ведет к погашению его уголовной ответственности. Последняя переходит на компанию или компании, в которые юридическое лицо преобразуется, с которыми оно сливается или которым оно поглощается. В том числе ответственность переносится на компанию или компании, возникающие в результате разделения юридического лица. Судья или суд имеют право смягчить переход наказания на юридическое лицо в зависимости от степени связи первоначально виновного юридического лица с новым юридическим лицом. Анализ указанных норм показывает, что в результате внесенных в 2010 г. изменений в испанское законодательство создана нормативная база для привлечения юридических лиц к уголовной ответственности за преступления, позволяющая при определенных условиях обеспечить неотвратимость такой ответственности даже в случаях попыток уклониться от нее путем преобразования юридических лиц. Регулирование вопросов уголовной ответственности юридического лица после прекращения его деятельности необходимо для того, чтобы юридические лица не уклонялись от ответственности путем реорганизации.

В Эстонии Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики²⁷ (далее ПК Эстонии) установил с 2002 г. корпоративную уголовную ответственность²⁸. В соответствии со ст.

²⁵ См.: Lege Codul penal al României nr. 286 din 17 iulie 2009 [Уголовный кодекс Румынии Закон от 17 июля 2009 г. № 286] // Monitorul Oficial al României. 2009. nr. 510.

²⁶ Ley Orgánica 5/2010, de 22 de junio, por la que se modifica la Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal.

²⁷ Пенитенциарный кодекс Эстонской Республики принят 6 июня 2001 г., объявлен постановлением Президента Эстонской Республики от 26 июня 2001 г. № 1099, вступил в силу с 1 сентября 2002 г.

²⁸ Об уголовной ответственности юридических лиц в Эстонской Республике см.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. VII. Кн. I. Субъект преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016,

14 «Ответственность юридического лица» ПК Эстонии, юридическое лицо (legal person) несет в предусмотренных законом случаях ответственность за деяние, совершенное его органом или руководящим работником в интересах юридического лица. Согласно ст. 37 «Деликтоспособность юридического лица» ПК Эстонии деликтоспособным признается правоспособное юридическое лицо, т.е. нести уголовную ответственность за совершение наказуемых деяний могут только правоспособные юридические лица. При этом вопрос об уголовной ответственности юридического лица после прекращения его деятельности остался нормативно неурегулированным.

В УК Литвы такой нормы нет, но системное толкование положений литовского законодательства позволяет сделать однозначный вывод о возможности привлечения юридического лица к уголовной ответственности после прекращения его деятельности, когда ответственность переходит к правопреемнику юридического лица, прекратившего свою деятельность.²⁹ На это указано, в частности, в определении по уголовному делу расширенной коллегии в составе семи судей Отдела по уголовным делам и Отдела по гражданским делам Верховного суда Литвы от 30 декабря 2016 г. No 2К-7-304- 978/2016.

В числе рассмотренных расширенной коллегией был вопрос о том, может ли быть привлечено к уголовной ответственности юридическое лицо (политическая партия), которое прекратило свою деятельность (реорганизовано) в ходе уголовного процесса по делу о привлечении его к ответственности.

Расширенная коллегия указала, что реорганизация юридического лица в рассматриваемом случае не является препятствием для применения уголовной ответственности, в отличие от случая его ликвидации³⁰.

В Эстонии нет правопреемства уголовной ответственности юридических лиц. На это указывает не только отсутствие в ПК Эстонии норм о таком правопреемстве, но и положения Уголовно-процессуального кодекса Эстонии 58³¹ (УПК Эстонии). Так, в числе обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, в ст. 199 УПК Эстонии указано прекращение (ликвидация) подозреваемого или обвиняемого юридического лица. В этом случае, согласно ст. 199 УПК Эстонии, производство по уголовному делу не может быть начато.

Доктрина «преступной идентичности» в США. Современное корпоративное право США, особенно в части уголовной ответственности юридических лиц, сталкивается с вызовами, связанными с ответственностью правопреемников за преступления их предшественников, что приводит к разработке различных доктрин.

Традиционная юридическая модель, сложившаяся в судопроизводстве и корпоративной практике, предполагает автоматическое возложение ответственности на корпорации-преемники вне зависимости от содержания и характера реорганизации. В последние годы в американской правовой науке набирает популярность альтернативный подход – доктрина «преступной

с. 204-210.

²⁹ Уголовная ответственность юридических лиц в Литве: Федоров А.В., Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации.

³⁰ Об этом определении см.: Юрка Р., Куранка К., Интерпретация юридических знаний в качестве специальных знаний: диалектический подход // Криминалист первопечатный. 2017, No 15, с. 17; Законодательство и правоприменение по предмету Конвенции о криминальной ответственности за коррупцию в ЕС, СНГ и иных странах. Уголовная ответственность юридических лиц. Вильнюс, 2019, с. 56-57.

³¹ Kriminaalmenetluse seadustik. Принят 12 февраля 2003 г. (RT I, 2003, 27, 166).

идентичности» (criminal identity doctrine)³². Он предлагает более гибкую и справедливую основу для определения уголовной ответственности корпораций после реорганизации.

В действующем американском праве преобладает формальный (традиционный) подход, согласно которому любая компания, возникшая в результате слияния, поглощения или иной формы преобразования, автоматически наследует уголовную ответственность прежней корпорации³³. Такой подход игнорирует как реальные изменения внутри компаний, так и принятые ими меры по устранению внутренних причин правонарушений.

Традиционный подход исходит из того, что правопреемник всегда несёт ответственность за деяния своего предшественника. В контексте слияний, выделений и ликвидаций применяется логика гражданского права, согласно которой долги и обязательства одной корпорации переходят к другой³⁴. Такая логика была заимствована в уголовное право и усилилась, несмотря на то, что по сути аналогия между роспуском корпорации и смертью физического лица не учитывает возможности трансформации корпоративной структуры и намерения на реформу³⁵. Более того, это привело к тому, что компании, даже реорганизовавшиеся в целях соблюдения правовых стандартов, продолжают нести уголовное «клеймо» предшественников.

Доктрина «преступной идентичности» (criminal identity doctrine) представляет собой современный альтернативный подход к уголовной ответственности правопреемников юридических лиц. В отличие от традиционной (формалистской) модели, при которой корпорация-правопреемник автоматически наследует уголовную ответственность за преступления предшественника, независимо от характера и глубины реорганизации, новая доктрина предлагает совершенно иную концептуальную основу.

Суть доктрины «преступной идентичности» заключается в том, что правопреемник несёт уголовную ответственность за преступления своего предшественника только в том случае, если он унаследовал ключевые организационные черты, которые способствовали совершению преступления – так называемую «преступную идентичность» (criminal identity)³⁶. Эти черты могут включать: корпоративную культуру толерантности к нарушениям; отсутствие программ соответствия и внутреннего контроля; систему мотивации, поощряющую обход закона; прежнюю управленческую команду и организационную структуру.

Доктрина «преступной идентичности» опирается на материальный критерий:

³² На сегодняшний день доктрина «преступной идентичности» в США не получила официального законодательного закрепления и не применяется в судебной практике как основной стандарт. Тем не менее, она обсуждается в научной среде как перспективная альтернатива формалистскому подходу к уголовной ответственности правопреемников. Этот подход основан на нормах корпоративного права штатов (например, Delaware General Corporation Law § 259) и аналогии с гражданско-правовой ответственностью при слияниях и выделениях.

³³ *Wallach v. Van Riswick*, 92 U.S. 202, 208-09 (1875) (holding that forfeiture of property as punishment for a Civil War Confederate's treason did not extend to the Confederate's children who retained a future interest in the property).

³⁴ 8 Del. Laws § 259 (2018).

³⁵ *Okla. Nat. Gas Co. v. Oklahoma*, 273 U.S. 257, 259 (1927) (“It is well settled that at common law and in the federal jurisdiction a corporation which has been dissolved is as if it did not exist, and the result of the dissolution cannot be distinguished from the death of a natural person in its effect.”).

³⁶ *Laufer & Strudler*, *supra* note 34, at 1298-99 (2000) (“[V]icarious liability is an inferior rule for determining corporate responsibility . . . Prosecutors also have shied away from vicarious liability for the very same reasons expressed by courts and legislatures. In addition to recognizing compliance programs as evidence of due diligence, prosecutorial policies and guidelines increasingly acknowledge an organizational liability that is separate and apart from an imputed liability that accompanies vicarious fault.”); Geraldine Szott Moohr, *Of Bad Apples and Bad Trees: Considering Fault-Based Liability for the Complicit Corporation*, 44 AM. CRIM. L. REV. 1343, 1359 (2007) (“A second set of factors that support fault-based criminal liability relate to problematic issues raised by use of the respondeat superior doctrine.”).

преемственность ответственности должна быть обусловлена преемственностью криминогенных факторов, а не просто юридической оболочкой компании.

Переход к ответственности, основанной на «преступной идентичности», предлагает переосмысление самой природы ответственности правопреемника. Новый подход предлагает: только в случае унаследования организационных черт, способствовавших совершению преступления, правопреемник должен нести уголовную ответственность за деяния предшественника. Эти черты включают: слабую культуру соблюдения, отсутствие механизмов внутреннего контроля, толерантность к правонарушениям.

Преимущества подхода заключается, во-первых, в том, что он позволяет разграничивать добросовестных правопреемников, стремящихся к реформе, и те структуры, которые сохраняют преступный этос. Это делает наказание более справедливым с точки зрения ретрибутивной философии уголовного права³⁷. Во-вторых, подход стимулирует корпоративную реабилитацию, снижает мотивацию скрывать правонарушения, усиливает внутренний контроль и создаёт стимул для внедрения программ соответствия³⁸. В отличие от действующего традиционного режима, новый подход уменьшает системные искажения, когда компании предпочитают игнорировать или скрывать факты правонарушений из страха быть привлеченными к ответственности³⁹.

Подход к идентификации преемника наиболее очевидно сочетается с реабилитационной целью уголовного права. По мнению теоретиков реабилитации, уголовное право и наказание должны быть структурированы так, чтобы способствовать исправлению преступников. Согласно действующему законодательству об ответственности преемника, корпорации имеют определенный стимул для улучшения соответствия во время реорганизации; таким образом, преемники снижают вероятность будущих проступков и наказания за них. Проблема в том, что корпорации, как предшественники, так и преемники, имеют сильные сдерживающие факторы, чтобы сделать первый шаг к реформе – расследовать прошлые проступки и уязвимости в соблюдении требований.

Методология определения «преступной идентичности» состоит из двух этапов. Сначала следует определить, какие организационные характеристики были причинно ответственны за преступление предшественника. Затем устанавливается, унаследовал ли правопреемник эти черты. При положительном ответе — ответственность должна передаваться. В противном случае — нет.

Интеграция концепции идентичности в практику уголовного преследования предполагает предварительную оценку со стороны прокуроров. Они могли бы отказываться от обвинения, если бы пришли к выводу, что идентичность не унаследована. Однако полагаться исключительно на усмотрение прокуратуры рискованно, поскольку их решения являются сугубо дискреционными⁴⁰. Альтернативой может быть раннее обращение в суд первой инстанции, где стороны могли бы заявить о различии идентичности и ходатайствовать об

³⁷ Кант И., *Метафизика нравов*. Пер. с нем. Мэри Грегор. – М.: Академический проект, 2000. (§ 49 E), *Кант И., Философия права. Метафизика нравов. Часть первая. Учение о праве*. Пер. с нем. В. Хасте. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1895, с. 196.

³⁸ John H. Matheson, *Successor Liability*, 96 MINN. L. REV. 371, 381 (2011) (“[C]orporations should not be able to avoid liability by simply changing their form or name.”).

³⁹ Chris William Sanchirico, *Detection Avoidance*, 81 N.Y.U. L. REV. 1331, 1361 (2006).

⁴⁰ U.S. Department of Justice, *Justice Manual*, § 9-28.100. URL: <https://www.justice.gov/jm/jm-9-28000-principles-federal-prosecution-business-organizations>

отклонении обвинений до начала судебного процесса.

Хотя базовый подход предполагает бинарную модель (идентичен – не идентичен), существуют и иные предложения: например, оценка степени идентичности, аналогично тому, как это делается в деликтном праве⁴¹. Такой подход обеспечит более гибкую и справедливую систему наказаний. Например, при частичном совпадении организационных структур возможно установление пропорциональной ответственности.

Некоторые критики утверждают, что модель идентичности может позволить корпорациям уйти от ответственности путём преднамеренного реформирования после совершения преступления. Однако эта критика преувеличена. Если реформирование будет поверхностным или частичным, то суд установит факт сохранения идентичности, и правопреемник будет нести ответственность. В то же время, добросовестная реформа, устраняющая глубинные организационные причины нарушения, должна быть вознаграждена снятием ответственности, поскольку она снижает вероятность повторения преступления⁴².

Еще одной альтернативной доктриной считается Доктрина *de facto merger* (де-факто слияния) – это юридическая концепция, согласно которой, даже если с формальной точки зрения сделка между двумя компаниями оформлена как покупка активов, она по существу рассматривается как слияние, если налицо определённые признаки. В таком случае компания-покупатель может унаследовать ответственность, включая уголовную, за действия компании-продавца.

Хотя доктрина де-факто слияния возникла в гражданском и корпоративном праве (в основном при рассмотрении дел о гражданской ответственности за вред), она влияет и на уголовно-правовую сферу.

Если суды признают, что имела место де-факто консолидация бизнеса, правопреемник может быть привлечён к уголовной ответственности, особенно в случае экономических и коррупционных преступлений.

Суды США обычно смотрят на следующие факторы: 1. Продолжение бизнеса (покупатель продолжает ту же деятельность, что и продавец); 2. Продолжение управления (ключевые управленцы и сотрудники остаются на местах); 3. Та же клиентская база, активы, бренд (всё или почти всё перешло покупателю); 4. *Передача обязательств* (покупатель, хотя формально не обязан, принимает на себя долги и обязательства продавца); 5. Прекращение существования продавца (продавец прекращает деятельность после сделки).

Одним из примеров использования доктрины стало дело *Shannon v. Samuel Langston Co.*, 379 F. Supp. 797 (W.D. Mich. 1974), когда суд постановил, что хотя сделка была оформлена как продажа активов, по существу она являлась слиянием, и покупатель унаследовал ответственность за причинённый вред.

Доктрина *de facto merger* основывается на фактическом продолжении бизнеса вне зависимости от целей реорганизации (доктрина *de facto merger* ориентирована на формальные признаки слияния компаний), тогда как доктрина преступной идентичности требует наличия у правопреемника унаследованных криминогенных признаков, способствовавших совершению преступления (доктрина преступной идентичности требует содержательной оценки: перенесена ли сама преступная сущность бизнеса).

⁴¹ Keith A. Ketterling, A Proposal for the Proper Use of Punitive Damages Against a Successor, 11 J. CORP. L. 765, 784 (1986).

⁴² Miriam H. Baer, *Too Vast to Succeed*, 114 MICH. L. REV. 1109, 1119 (2016); Sanchirico, *supra* note 86, at 1361.

Изучение зарубежного опыта нормативного определения порядка уголовной ответственности юридического лица после прекращения его деятельности (утраты правосубъектности) и практики применения этих норм представляет интерес для разработки соответствующих законов в уголовном законодательстве Армении.

Подобные решения позволяют избежать правовых лазеек, когда корпорации, используя ликвидацию или слияние, стремятся уйти от ответственности за правонарушения. Кроме того, они способствуют укреплению принципа неотвратимости наказания, в том числе в сфере корпоративной преступности.

Таким образом, анализ зарубежных моделей показывает целесообразность разработки нормативного механизма, обеспечивающего возможность привлечения к уголовной ответственности правопреемника или иного связанного субъекта после утраты первоначальным юридическим лицом статуса. При этом требуется четкое определение критериев правопреемства, а также процедурные гарантии для защиты прав всех участников процесса.

Основу таких подходов составляет признание принципа правопреемства в уголовно-правовом контексте, что позволяет сохранить правовую преемственность обязательств и санкций. Основой для внедрения института в уголовно-процессуальное законодательство также служит специфика природы уголовной ответственности юридических лиц: юридическое лицо не является субъектом уголовной ответственности в традиционном смысле этого понятия, а рассматривается как субъект, к которому могут быть применены меры уголовно-правового воздействия не за собственное совершение преступления, а за его причастность к преступной деятельности, при этом такие меры закрепляются в Уголовном кодексе Республики Армения.

Таким образом, этим закон устанавливает ответственность юридических лиц в широком её понимании, которым охватывается применение к юридическим лицам иных мер уголовно-правового характера⁴³.

Современное развитие уголовного права в ряде зарубежных юрисдикций демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию правопреемства уголовной ответственности юридических лиц. Такая эволюция обусловлена необходимостью устранения правовых пробелов, которые позволяют организациям уходить от ответственности путём ликвидации, слияния или иного преобразования корпоративной структуры. Отказ от учета преемственности субъектов в подобных случаях фактически подрывает принцип неотвратимости наказания, дестимулирует добросовестное корпоративное поведение и создает угрозу системной безнаказанности в корпоративной сфере.

Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) и правоприменительная практика зарубежных стран признают допустимость уголовно-процессуального правопреемства при наличии юридической и фактической идентичности между прежним субъектом и правопреемником. При этом акцент делается на необходимости соблюдения процессуальных гарантий, установленных статьей 6 Европейской конвенции. Так, в решениях ЕСПЧ подчеркивается недопустимость использования реорганизации для ухода от ответственности, что подтверждает легитимность

⁴³ Б.В. Волженкиным, отмечал: «Целесообразно различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности. Преступление как общественно опасное противоправное и виновное деяние может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей... А вот нести уголовную ответственность за такие деяния могут не только физические, но, при определенных условиях, и юридические лица. Следовательно, задача состоит в том, чтобы определить условия, при которых юридическое лицо будет нести уголовную ответственность за преступление, совершенное физическим лицом, и наряду с физическим лицом» (Волженкин Б.В., Уголовная ответственность юридических лиц. СПб, 1998, с. 25-26.)

концепции правопреемства как средства обеспечения справедливости и эффективности уголовного преследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Учитывая общую направленность уголовной политики Республики Армения на укрепление правовых механизмов борьбы с экономическими и коррупционными преступлениями, внедрение института правопреемства уголовно ответственного юридического лица представляется оправданным. Его реализация позволит:

- устранить практику формального избегания ответственности через корпоративные преобразования;
- обеспечить преемственность санкций при реорганизации субъектов хозяйствования;
- расширить возможности государства по компенсации ущерба и изъятию преступных доходов;
- стимулировать профилактическую деятельность самих компаний через развитие внутреннего контроля и комплаенс-систем.

Таким образом, внедрение института правопреемства уголовной ответственности юридических лиц является не только допустимым, но и необходимым элементом современной уголовно-правовой системы, обеспечивающим баланс между формальной правосубъектностью и материальной справедливостью. Это соответствует как международным стандартам, так и внутренним задачам эффективной уголовной юстиции в условиях глобализации экономической преступности.

Однако при этом следует учитывать ряд существенных обстоятельств, имеющих правовое значение:

1. Цель реорганизации необходимо установить, не была ли реорганизация предпринята исключительно с целью уклонения от уголовной ответственности.
2. Участие виновных физических лиц важно определить, входят ли лица, совершившие преступное деяние, в состав участников нового юридического лица, а также какова их роль в его управлении.
3. Преемство имущества и выгоды анализируется, перешло ли новому субъекту имущество прежнего юридического лица и была ли извлечена выгода из совершенного уголовного правонарушения.
4. Осведомленность других участников реорганизации необходимо оценить, могли ли и должны ли были иные юридические лица, участвующие в процессе реорганизации, знать о преступной деятельности своего партнера по объединению.
5. Характер последующей хозяйственной деятельности следует исследовать, были ли в новом юридическом лице созданы условия, способствующие продолжению преступной деятельности теми же физическими лицами под новым формальным прикрытием.

Таким образом, правопреемство при реорганизации юридического лица не препятствует привлечению нового субъекта к уголовной ответственности, но требует комплексной правовой оценки описанных факторов.

В этой связи следует отметить имеющееся авторское предложение о содержании статьи «Уголовная ответственность юридического лица при его реорганизации или ликвидации», которой предлагается дополнить УК РА:

- «1. При реорганизации юридического лица, совершившего преступление,*

предусмотренное настоящим Кодексом, в форме слияния, присоединения, разделения, выделения, преобразования, к уголовной ответственности за совершенное преступление привлекается одно или несколько организаций-правопреемников реорганизованного юридического лица.

2. Правопреемник несёт уголовную ответственность за деяния реорганизованного юридического лица при наличии одного из следующих условий:

2.1. Если он унаследовал ключевые структурные, управленческие или функциональные признаки, способствовавшие совершению преступления (преступную идентичность);

2.2. Если ему было известно или он должен был знать о совершении преступления до завершения реорганизации;

2.3. Если реорганизация имела своей целью уклонение от уголовной ответственности.

3. Исполнение наказания или иных мер уголовно-правового характера возлагается решением суда в полном объеме или в части на одно или несколько организаций-правопреемников соразмерно доле приобретенного ими в результате правопреемства имущества и степени участия в продолжающейся деятельности.

4. При добровольной ликвидации организации, совершившей преступление, исполнение наказания или иных мер уголовно-правового характера решением суда может быть возложено в полном объеме или в части на физических или юридических лиц, к которым перешло имущество ликвидированной организации после удовлетворения всех требований кредиторов.

5. Исполнение наказания или иных мер уголовно-правового характера физическим или юридическим лицом, к которым перешло имущество ликвидируемой организации, осуществляется в случае, если ликвидация такой организации осуществляется с целью избежать исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера либо эти лица были осведомлены или должны были быть осведомлены о совершенном ликвидированной организацией преступлении» .

Предлагаем соответствующие положения взаимно связанного дополнения к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Армения (УПК РА), который обеспечит реализацию положений статьи УК РА «Об уголовной ответственности юридического лица при его реорганизации или ликвидации».

«Статья X. Уголовное производство при реорганизации юридического лица

1. В случае реорганизации юридического лица, в отношении которого возбуждено уголовное дело либо ведётся предварительное расследование, уголовное производство может быть продолжено в отношении его правопреемника (одного или нескольких), если имеются основания полагать, что:

– правопреемник унаследовал ключевые структурные, управленческие или функциональные признаки, способствовавшие совершению преступления;

– правопреемнику было известно или он должен был знать о преступлении, совершенном реорганизованным юридическим лицом;

– реорганизация была направлена на уклонение от уголовной ответственности.

2. При рассмотрении вопроса о возбуждении уголовного дела или продолжении уголовного преследования в отношении правопреемника, следователь или прокурор обязан установить: структуру правопреемства; характер связи между действиями предшественника и структурой правопреемника; осведомленность правопреемника о

действиях предшественника.

3. В случае, если юридическое лицо ликвидировано до завершения расследования, уголовное производство может быть продолжено в отношении его правопреемника либо иного лица, получившего имущество ликвидированной организации, при условии, что имеются основания полагать: ликвидация была использована как средство для уклонения от уголовной ответственности.

4. Для установления оснований, предусмотренных частями 1 и 2 настоящей статьи, следователь обязан истребовать и проанализировать:

- документы, подтверждающие факт и форму реорганизации;
- информацию о составе имущества, распределённого в результате реорганизации;
- сведения о составе органов управления, структуре и функциональных связях до и после преобразования.

5. Постановление о продолжении уголовного преследования в отношении правопреемника выносится следователем со согласия прокурора либо непосредственно прокурором, подлежит мотивировке и может быть обжаловано в судебном порядке.»

Предлагаемая модель уголовно-правового правопреемства основывается на следующих положениях:

Материальный критерий преемственности – уголовная ответственность возможна только в случаях, когда правопреемник унаследовал ключевые структурные, управленческие или функциональные элементы (так называемая «преступная идентичность»);

Принцип добросовестности – ответственность исключается при наличии добросовестной реорганизации, направленной на реформу и устранение причин правонарушения;

Соразмерность ответственности – санкции могут быть распределены между несколькими правопреемниками в зависимости от объема переданного имущества;

Процессуальные гарантии – защита прав правопреемника обеспечивается через соблюдение принципов справедливого разбирательства, включая уведомление, право на защиту, судебный контроль.

Таким образом, предложенные проектные нормы направлены на достижение баланса между интересами уголовной политики и корпоративной реабилитации, предотвращая злоупотребления со стороны юридических лиц и обеспечивая реализацию принципа неотвратимости ответственности в условиях трансформации субъекта преступления.

Аннотация. Настоящая статья посвящена комплексному анализу проблемы процессуального правопреемства юридических лиц в уголовном судопроизводстве, особенно в контексте их реорганизации или ликвидации. В условиях отсутствия четкого регулирования этого института в УПК Республики Армения, автор рассматривает доктринальные подходы, правоприменительную практику и зарубежный опыт, включая позицию Европейского суда по правам человека и законодательство США, Испании, Румынии и других государств. Основное внимание уделено обоснованию возможности и необходимости внедрения в армянское уголовно-процессуальное законодательство института процессуального правопреемства юридического лица, включая обвиняемого, с учетом критериев юридической и фактической идентичности, а также добросовестности реорганизации. В статье предлагаются проектные нормы, обеспечивающие баланс между принципом индивидуальной уголовной ответственности и эффективностью уголовного преследования, что особенно актуально в борьбе с экономической и корпоративной преступностью.

Ամփոփագիր: Հոդվածը նվիրված է իրավաբանական անձանց քրեադատավարական իրավահաջորդության խնդրի համապարփակ վերլուծությանը, մասնավորապես՝ դրանց վերակազմակերպման կամ լուծարման համատեքստում: ՀՀ քրեական դատավարության օրենսգրքում այս ինստիտուտի հստակ կարգավորման բացակայության պայմաններում հեղինակը քննության է առնում դոկտրինալ մոտեցումները, իրավապահ պրակտիկան և օտարերկրյա փորձը, ներառյալ՝ Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի դիրքորոշումը և ԱՄՆ-ի, Իսպանիայի, Ռումինիայի և այլ արտասահմանյան երկրների օրենսդրությունը:

Հիմնական ուշադրությունը դարձվում է իրավաբանական անձի, այդ թվում՝ մեղադրյալի, դատավարական իրավահաջորդության ինստիտուտը ՀՀ քրեական դատավարության օրենսդրությունում ներմուծելու հնարավորության և անհրաժեշտության հիմնավորմանը՝ հաշվի առնելով իրավական և փաստացի նույնականության չափանիշները, ինչպես նաև վերակազմակերպման բարեխղճությունը: Հոդվածում առաջարկվում են նախագծային կանոնակարգումներ, որոնք ապահովում են անհատական քրեական պատասխանատվության սկզբունքի և քրեական հետապնդման արդյունավետության միջև հավասարակշռություն, ինչը հատկապես արդիական է տնտեսական և կորպորատիվ հանցագործությունների դեմ պայքարում:

Annotation. The article is devoted to a comprehensive analysis of the problem of procedural succession of legal entities in criminal proceedings, especially in the context of their reorganization or liquidation. In the absence of clear regulation of this institution in the Criminal Procedure Code of the Republic of Armenia, the author examines doctrinal approaches, law enforcement practice and foreign experience, including the position of the European Court of Human Rights and the legislation of the United States, Spain, Romania and other countries. The main attention is paid to the substantiation of the possibility and necessity of introducing the institution of procedural succession of a legal entity, including the accused, into the Armenian criminal procedure legislation, taking into account the criteria of legal and factual identity, as well as the good faith of the reorganization. The article proposes draft norms that ensure a balance between the principle of individual criminal liability and the effectiveness of criminal prosecution, which is especially important in the fight against economic and corporate crime.

Ключевые слова: уголовная ответственность юридических лиц, правопреемство в уголовном процессе, реорганизация юридических лиц, ликвидация юридического лица, процессуальное правопреемство, преступная идентичность.

Բանալի բաներ - իրավաբանական անձանց քրեական պատասխանատվություն, իրավահաջորդություն քրեական դատավարությունում, իրավաբանական անձանց վերակազմակերպում, իրավաբանական անձի լուծարում, դատավարական իրավահաջորդություն, քրեական ինքնություն:

Keywords: criminal liability of legal entities, succession in criminal proceedings, reorganization of legal entities, liquidation of a legal entity, procedural succession, criminal identity.

Список использованной литературы

1. Баловнева В.И., О представителе юридического лица в уголовном процессе
2. Комаров И.М., Общие вопросы участия юридического лица в уголовном судопроизводстве // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей. Томск, 2018, ч. 75, с. 13–19.
3. Власенко Н.А., Об аналогии в современном процессуальном праве // Рос. юстиция. 2005, No7, с. 32–36.
4. Даев В.Г., Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1972, с. 13.

5. Зеленин С. Р., Когда учредитель ликвидированного юридического лица, признанного потерпевшим, может остаться в процессе // Уголовный процесс. 2011, No 7.
6. Кант И., Метафизика нравов. Пер. с нем. Мэри Грегор. — М.: Академический проект, 2000. (§ 49 E),
7. Кант И., Философия права. Метафизика нравов. Часть первая. Учение о праве. Пер. с нем. В. Хасте. — СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1895, с. 196.
8. Кротова Л.Л., Правопреемство юридических лиц в уголовном процессе: опыт и перспективы // Уголовное право, 2012, № 3.
9. Крылова Ю.А., Проблемы правопреемства при реорганизации юридических лиц // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009, Вып. 2, с. 103.
10. Лопашенко Н.А., Ответственность юридических лиц в уголовном праве России. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2003. – 264 с.
11. Мазалов А.Г., Гражданский иск в уголовном процессе. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Юрид. лит., 1977, с. 15.
12. Мисник И.В., Участие потерпевших юридических лиц в уголовном судопроизводстве // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2016. No 4 (34), с. 40–43.
13. Наумов А.В., Уголовное право: Общая часть. Курс лекций. – М.: Зерцало, 2005, с. 258–265.
14. Носов Д.В., Правопреемство: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011, с. 9.
15. Об уголовной ответственности юридических лиц в частично признанной Республике Косово см.: Федоров А.В. Косовский вариант уголовной ответственности юридических лиц // Российский следователь. 2018, № 10, с. 75-80.
16. Петрухин И.Л., Уголовная ответственность юридических лиц: за и против // Государство и право. – 2004, № 6, с. 67–74.
17. Прошляков А.Д., О неотчуждаемости статуса юридического лица – потерпевшего по уголовному делу. – Российский юридический журнал, 2009, No 5(65), с. 206–208.
18. Рогов Н.С., Участие юридических лиц в уголовном процессе в качестве потерпевшего // Евразийская адвокатура. 2016, No 4 (23).
19. Савицкий В.М., Уголовное право. Общая часть. – М.: Юристъ, 2000, 496 с., Бородин С.В. Проблема правопреемства в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство, 2018, № 4, с. 38–42.
20. Тарбагаев А.Н., Введение в уголовное право Нидерландов: основные институты Общей части: Учебное пособие. Красноярск, 2000, с. 30.
21. Федоров А.В., Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Республики Словения // Российский следователь. 2018, № 5, с. 75-80.
22. Федоров А.В., Уголовная ответственность юридических лиц по законодательству Словении и Хорватии // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018, № 2, с. 13-23.
23. Шошин С.В., Рубцов Ф.С., Уголовная ответственность юридических лиц за экологические деликты: опыт иностранных государств // Правовые институты и методы охраны окружающей среды в России, странах СНГ и Европейского Союза: состояние и эффективность. Материалы III Международной научно-практической конференции / Отв. ред. Н.Т. Разгельдеев. Саратов, 2017, с. 135.
24. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А.Я. Сухарев. М. Советская энциклопедия. 1984. С. 279; Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. О.Е. Кутафин. М., 2002, с. 386.
25. Юрка Р., Курапка К., Интерпретация юридических знаний в качестве специальных знаний: диалектический подход // Криминалист первопечатный. 2017, No 15, с. 17; Законодательство и правоприменение по предмету Конвенции о криминальной ответственности за коррупцию в ЕС, СНГ и иных странах. Уголовная ответственность юридических лиц. Вильнюс, 2019, с. 56-57.

26. Chris William Sanchirico, Detection Avoidance, 81 N.Y.U. L. REV. 1331, 1361 (2006).
27. John H. Matheson, Successor Liability, 96 MINN. L. REV. 371, 381 (2011)
28. Keith A. Ketterling, A Proposal for the Proper Use of Punitive Damages Against a Successor, 11 J. CORP. L. 765, 784 (1986).
29. Ley Orgánica 5/2010, de 22 de junio, por la que se modifica la Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal
30. Miriam H. Baer, Too Vast to Succeed, 114 MICH. L. REV. 1109, 1119 (2016); Sanchirico, supra note 86, at 1361.
31. Okla. Nat. Gas Co. v. Oklahoma, 273 U.S. 257, 259 (1927)
32. U.S. Department of Justice, Justice Manual, § 9-28.100. URL: <https://www.justice.gov/jm/jm-9-28000-principles-federal-prosecution-business-organizations>
33. Wallach v. Van Riswick, 92 U.S. 202, 208-09 (1875)

Բаяндурյան Օ. - Член палаты адвокатов РА, аспирант кафедры уголовного права и уголовно процессуального права Российско-Армянского университета, эл. почта: hovhannes.bayanduryan@rau.am.

Статья представлена в редакцию 15.07.2025 г., отправлена на рецензию 15.07.2025 г., рецензенты: профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права, д.ю.н., заслуженный профессор РАУ С. Цагикян, принята к публикации: 01.10.2025.